

УДК 80/81
ББК 81-3*81.2
3 38

Монография подготовлена в рамках гранта
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), № 14-0400243а
«Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте»

Издание осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 18-112-00031, не подлежит продаже

Рецензенты:

д. ф. н. Н. В. Кабинина, к. и. н. А. Ю. Жуков

Захарова Е. В., Кузьмин Д. В., Муллонен И. И., Шибанова Н. Л.

3 38 Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте / Под ред. И. И. Муллонен. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. — 272 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-6040760-4-0

Монография посвящена исследованию топонимных моделей на материале географических названий Карелии и сопредельных областей с целью выявления и анализа принципов наименования географических объектов, роли типовых моделей в процессе номинации и механизмов формирования топонимической системы территории. Для доказательства высказанных положений анализируются т. н. качественные топоосновы, входящие в число типовых и характеризующие размер, форму и относительное местоположение объекта.

В работе доказывается принципиально важная роль моделей в процессе номинации, которая зависит от образцов, существующих у носителей, населяющих определенную территорию в определенный момент времени. При этом устанавливается, что мода на модель обуславливается целым рядом обстоятельств, в том числе уровнем общественного развития коллектива номинаторов, ландшафтно-географическими особенностями территории, языковыми факторами и т. д. Выявляются отраженные в топонимии особенности номинации, свойственные разным этноязыковым коллективам, населявшим Карелию: саамам, вепсам, карелам, русским.

На основе проведенного исследования уточняется формирование этноязыковой карты Карелии и смежных областей. Предложен целый ряд новых авторских этимологий топонимов, в том числе бытующих в регионе Русского Севера.

Работа адресована специалистам в области ономастики, а также всем интересующимся вопросами топонимики Российского Северо-Запада.

УДК 80/81
ББК 81-3*81.2

*В оформлении переплета использован
фрагмент Плана Петрозаводского уезда Олонецкой губернии 1897 г.*

ISBN 978-5-6040760-4-0

9 785604 076040 >

© Коллектив авторов, 2018
© Издательский Дом ЯСК, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
Введение. Топонимический метод в исследовании этноязыковой истории Карелии.	13
Глава 1. Типовые топоосновы для отражения размера географического объекта	29
1.1. Типовые атрибутивные прибалтийско-финские топоосновы	29
1.2. Типовые топоосновы со значением ‘большой’	32
1.2.1. <i>Suuri-</i> ~ <i>Šuuri-</i> / <i>Сур-</i>	33
1.2.2. <i>Tobie-</i> ~ <i>Tobd’-</i> / <i>Тоб-</i>	34
1.2.3. <i>Jalo-</i> / <i>Ял-</i>	36
1.2.4. <i>En(ä)-</i> ~ <i>Än-</i> / <i>Ян-</i>	40
1.2.5. <i>Великий</i> vs. <i>Большой</i>	48
1.3. Типовые топоосновы со значением ‘маленький’	50
1.3.1. <i>Pieni-</i> , <i>Pikku-</i> , <i>Pikkaraini-</i>	51
1.3.2. <i>Vähä-</i>	53
1.3.3. <i>Pič-</i>	56
1.3.4. <i>Пинега</i> — ‘маленькая река’?	56
Глава 2. <i>Кривые озера</i> и <i>Толстые мысы</i> : типовые топоосновы, характеризующие форму географического объекта	65
2.1. Типовые топоосновы со значением ‘длинный’	67
2.1.1. <i>Kuk(as)-</i> / <i>Кук-</i>	67
2.1.2. <i>Pitkä-</i>	72
2.2. <i>Тонкий</i> vs. <i>Узкий</i>	74
2.2.1. <i>Hoikka-</i>	75
2.2.2. <i>Kaita-</i>	77
2.3. <i>Толстый</i> vs. <i>Широкий</i>	80
2.4. Типовые топоосновы со значением ‘круглый’	85
2.5. Типовые топоосновы со значением ‘кривой’	89
2.5.1. <i>Kovera-</i> / <i>Ковер-</i>	90
2.5.2. <i>Viärä-</i> / <i>Вур-</i>	97

2.5.3. <i>Polvi-</i>	114
2.5.4. <i>Kolmisoppi, Kolmikolkka</i>	117
2.6. Образная номинация в обозначении формы географического объекта	122
Глава 3. Модельные топоосновы, характеризующие относительное расположение географического объекта	
3.1. Топоосновы, обозначающие расположение объекта на местности по сторонам света	146
3.2. Топоосновы со значением 'передний' и 'задний'	153
3.2.1. <i>Taga-</i> ~ <i>Taka-</i>	154
3.2.2. <i>Perä-</i>	157
3.2.3. <i>Očča-</i> ~ <i>Očču-</i>	160
3.3. «Ближние» и «дальние» топонимы	162
3.3.1. <i>Sydän-</i> ~ <i>Syväin-</i>	163
3.3.2. <i>Perse-</i> ~ <i>Perze-</i>	167
3.4. Топоосновы со значением 'расположенный между или напротив'	168
3.4.1. <i>Väli-</i>	168
3.4.2. <i>Poikki-</i>	169
3.4.3. <i>Yličči-</i>	172
3.4.4. <i>Kohta-</i> ~ <i>Kohtu-</i>	172
3.5. «Верхние» гидронимы Карелии	175
3.5.1. Гидронимная основа * <i>Ylä-</i> и ее фонетические варианты	176
3.5.1.1. * <i>Ylä-</i> в сочетании с диминутивным / атрибутивным формантом	179
3.5.1.2. * <i>Ylä-</i> в сочетании с суффиксом, имеющим суперлативную семантику	181
3.5.1.3. * <i>Ylä-</i> в сочетании с суффиксом * <i>-kse-</i>	186
3.5.2. <i>Latva-</i> ~ <i>Ladva-</i> / <i>Ладв-</i>	192
3.5.3. * <i>Kerak-</i> / <i>Керак-</i>	193
3.5.4. <i>Piä-</i> ~ <i>Pää-</i>	193
3.5.5. <i>Oiva-</i>	195
3.5.6. <i>Kač-</i> / <i>Кач-</i> , <i>Ketse-</i>	196
3.5.7. <i>Kuš-</i> ~ <i>Kuž-</i>	197
3.6. Топоосновы с 'боковой' семантикой	198
3.6.1. <i>Lap-</i> / <i>Лан-</i>	198
3.6.2. <i>Piele-</i> / <i>Пил-</i> ~ <i>Пел-</i> ~ <i>Пял-</i> ~ <i>Пал-</i>	205
3.7. Топоосновы с 'поперечной' семантикой	212

Заключение	215
Список сокращений	228
Список литературы и источников	232
Указатель топонимов	240
Список детерминантов прибалтийско-финских топонимов	267

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мир географических названий богат и разнообразен. Чем более освоена территория, чем богаче рельеф местности, тем шире список топонимов. Полевые сборы топонимии в Карелии и на смежных территориях Северо-Запада России свидетельствуют о том, что в окрестностях одного куста поселений удастся зафиксировать до 400–500 названий — от наименований отдельных частей населенного пункта, окружающих его водных объектов до топонимов, называющих полосы в полях, одиночные камни или деревья. На первый взгляд может показаться, что выбор названий произволен, свободен от всякого рода ограничений. Однако анализ принципов называния убеждает в том, что он ограничен многими обстоятельствами. Топоним образуется и существует не сам по себе, но в рамках определенной системы, по образцам, моделям, использующимся в данное время и на данной территории. Эти образцы человек усваивает вместе с языком и обращается к ним, когда сам оказывается в ситуации имьятворчества — присваивает названия географическим объектам, в том числе и на вновь освоенных территориях. Поэтому выявление и последующее картографирование топонимов, дифференцирующих определенный этноязыковой коллектив, позволяет реконструировать исторические границы этнических ареалов или пути, по которым происходило освоение новых территорий. Для эффективной реконструкции принципиально важно вычлениить из топонимического массива территории те структуры (топоосновы или форманты), которые несут в себе такой этноисторический заряд.

В отечественной ономастике довольно основательно разработаны отдельные позиции общей теории формирования и функционирования топосистем (например, бинарная оппозиция, мотивы номинации и проч.). Однако понятие *топонимной модели*, которая имеет временные и географические рамки существования и опосредует процесс называния новых объектов, до сих пор не внесено в ряд ключевых. Показательно, что даже термин «модель» практически не получил использования применительно к топонимическим основам. Между тем понимание формульности топонимии как основополагающего принципа организации топонимической системы (как на уровне структу-

ры названий, так и использования топооснов, в том числе образных, и стоящих за ними мотивов номинации) способствует познанию такого феномена, как топоним. Значимость теоретического обоснования роли модельности в топонимии заключается в том, что оно устанавливает критерии истинности топонимической этимологии. Этимологизироваться должно не одно отдельно взятое название, но название как элемент целостной системы, с учетом существовавших в регионе на время появления топонима моделей номинации, набора топооснов.

В предпринятом исследовании «Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте» выявляются и описываются те модели называния, которые использовались в топонимии Карелии и смежных территорий для характеристики формы, размера и относительного расположения озерных объектов¹. Выбор обусловлен массовостью этих групп топонимов в Карелии, а также возможностью проверить топонимическую информацию картографической — обликом (размер, форма, взаимное расположение и т. д.) названных объектов на топографических картах, что является критерием надежности анализа. На обширном материале сделана попытка доказать, что номинация происходит в рамках известных в данное время и на данной территории моделей именования — морфологических типов, лексических топооснов, семантических классов. В свою очередь, ареальные и временные рамки бытования моделей позволяют использовать их для реконструкции этноязыковой и историко-культурной ситуации.

Исследование основано на полевых материалах, собранных сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН и хранящихся в Научной картотеке топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН (более 300 тыс. единиц хранения), и создающейся на ее основе ГИС «Топонимия Карелии», позволяющей проводить геокодирование топонимов с привязкой названия к объекту называния и тем самым отслеживать образы, лежащие в основе номинации. Кроме того, привлекались материалы Национального архива Республики Карелия, данные топографических карт и атласов, письменных источников XV–XIX вв., а также материалы картотек Топонимической экспедиции УрФУ (г. Екатеринбург) и Научного топонимического архива Финляндии (Suomen nimiarkisto, KOTUS), электронных ресурсов karttapaikka.fi, retkikartta.fi.

¹ Под озерными объектами, помимо собственно озер, понимаются острова, мысы, заливы, проливы — т. е. географические объекты, являющиеся частью озерной системы.

В ходе работы осуществлено картографирование ряда выявленных моделей (подготовлена 21 топонимическая карта), что позволило обосновать их распространение, проанализировать причины ареальной дистрибуции некоторых из них. На основе ареально-типологического метода исследования прослеживаются ареальные связи модельных топооснов на прибалтийско-финской и русской (обрусевшей) территориях Карелии, предлагаются подходы для определения относительного возраста моделей и дается этноязыковая интерпретация полученных ареалов.

Работа включает в себя теоретическое введение — «Топонимический метод в исследовании топонимии Карелии», в котором изложены основные положения методики, разработанной авторским коллективом с использованием предшествующих наработок российских и финляндских исследований, а также собственных изысканий. Она основывается на том, что присвоение названия географическому объекту происходит не произвольно, но опосредовано существующей на данной территории в данное время у данного этноязыкового коллектива топонимической системой, по готовым моделям и образцам, усвоенным создателем топонима вместе с языком. Это делает топонимию надежным языковым и этноисторическим источником.

Во втором разделе введения также предложен обзор некоторых результатов, полученных авторским коллективом в применении ареально-типологической методики анализа топонимов для реконструкции этнокультурной истории региона.

В главе 1, «Типовые топоосновы для отражения размера географического объекта», анализируются типовые качественные модели, характеризующие размер водных объектов и их частей. В центр внимания вынесены их частотность, приоритеты в назывании определенных типов объектов, ареалы бытования и относительная хронология. Доказывается хронологическая и географическая приуроченность некоторых из названных топооснов (*Enä-, Jalo-, Vähä-, Tobie-, Pikkaraini-*), которая использована как критерий для реконструкции путей проникновения моделей и, соответственно, стоящего за ними этноязыкового коллектива, а также границ этнических ареалов в прошлом.

Во второй главе, «*Кривые озера и Толстые мысы: типовые топоосновы, характеризующие форму географического объекта*», выявляется и описывается набор топооснов, которые используются в топонимах для характеристики формы объектов — относительно небольших, позволяющих эту форму увидеть. Список включает как прямые, так и обратные, метафорические названия. Последние существенны в плане

отражения народной картины мира. Как и в первой главе, выявление типовых топооснов и характерных моделей названия сопровождается их ареальным анализом, который выводит на реконструкцию этноисторических процессов. С точки зрения теории ономастики важна доказанная в ходе исследования привязка определенных топонимных моделей к определенному виду ландшафта.

Теоретические проблемы ономастики поднимаются и в третьей главе, «Модельные топоосновы, характеризующие относительное расположение географического объекта», в связи с обнаружением избирательности топонимической системы в ситуации выбора топооснов из ряда семантически равнозначных лексем. Основной же пафос этой главы вновь нацелен на ареальный анализ моделей и вытекающую из него реконструкцию этноисторических процессов. Наряду с прибалтийско-финским материалом рассматриваются и некоторые древние маркерные единицы, имеющие доприбалтийско-финские корни. В связи с этим предложен ряд финно-угорских этимологий, опирающихся, с одной стороны, на реальное расположение названных объектов внутри водной системы, с другой — на праязыковые (фонетические) закономерности (топоосновы *Iles-* / *Илекс-* ‘верхний’, *Piele-* ~ *Päl-* / *Пел-* ~ *Пял-* ‘боковой’ и др.). Добавим, что этимологические изыскания проводятся во всех трех главах исследования. При этом значение прибалтийско-финских лексем, к которым восходят топонимы и их элементы, приводится по словарям карельского, вепсского и финского языков без указания на конкретный источник. Список привлеченных для этих целей словарей размещен в разделе «Список словарей и источников».

ВВЕДЕНИЕ

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИССЛЕДОВАНИИ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ИСТОРИИ КАРЕЛИИ

Обращение к топонимам как к надежному источнику реконструкции этнических и культурных процессов, происходивших в прошлом, имеет давние и прочные традиции. «Язык земли», как образно называл географические названия русский ученый Н. И. Надеждин, востребован и в исследовании этнического прошлого территории Русского Севера. Уже в ранних публикациях отмечается многослойность топонимии северных территорий как свидетельство многоэтапности их освоения. Наиболее убедительных результатов в исследовании субстратной топонимии Русского Севера достигла, безусловно, уральская топонимическая школа во главе с А. К. Матвеевым [Матвеев 2001–2007]. Свои наработки, связанные с топонимическим ландшафтом примыкающих к Русскому Северу территорий Обонежья, Поморья и Приладожья, предложены карельскими исследователями (см., например, [Муллонен 2002; Kuzmin 2014; Захарова 2015]). Интересные и чрезвычайно перспективные для дальнейшего исследования результаты достигнуты в последнее время финляндскими топонимистами.

Этнолингвистический потенциал топонимии базируется на целом ряде объективно присущих ей особенностей. Массовость топонимического материала позволяет оперировать большим количеством названий, что выгодно характеризует топонимию на фоне отрывочных и в массе своей поздних письменных источников или этнически плохо интерпретируемых и к тому же обычно неполных археологических свидетельств.

Чрезвычайно ценным в связи с возможностью функционирования топонима как адреса даже после утраты создавшего его языка является то, что в топонимических системах тех территорий, на которых происходило или происходит языковое контактирование, присутствуют топонимы иноязычного происхождения. Именно они являются одним из наиболее существенных источников этноязыковой информации.

Язык происхождения топонимов традиционно использовался в истории ономастики для решения этногенетических проблем. К настоящему времени выработан целый ряд методов анализа субстратной топонимии, обеспечивающих большую надежность этимологической интерпретации (см., например, [Матвеев 1986; Saarikivi 2006]), а также осознана необходимость выявления принципов усвоения иноязычной топонимии топонимической системой-преемником. Без этих систематизирующих знаний этимологическое исследование лишается необходимого каркаса в виде закономерностей языкового взаимодействия контактирующих топосистем.

Ценность топонимии как этноисторического источника вытекает также из того, что топоним при происхождении мотивирован, а слово, положенное в основу названия, отражает определенный признак, качество названного объекта. При этом выбор признака для наименования определяется уровнем общественно-исторического развития того коллектива, который создает топонимическую систему. При кажущемся разнообразии топонимов на самом деле набор их достаточно ограничен. Выявляется множество повторяющихся топонимов, причем чем шире территориальные границы привлекаемого материала, тем больше повторений. В условиях единой культуры, сходных естественно-географических условий представления людей об окружающем мире в основных, определяющих чертах едины. А это значит, что создается психологическая предпосылка для выбора одного и того же признака географического объекта в качестве мотива номинации на разных участках территории. Замечено, например, что названия, созданные народом, экономика которого основана на промысловой культуре, нередко нагляднее и образнее, а топонимы, указывающие на какие-либо события, связаны в большей степени с кочевым бытом, чем с земледельческим. Установление частнособственнических отношений повлекло за собой появление наименований, в которых фиксируется имя владельца или его социальное положение. Анализ типовых основ вепской топонимии характеризует ее как имеющую утилитарную направленность. Вепская топонимия достаточно последовательно отражает то, что целесообразно с точки зрения хозяйственного назначения. Основной пафос номинации — географическая реальность как объект хозяйственного использования. В соответствии с этим одни объекты ландшафта получают названия, другие — нет. В регионе вепского Межозерья мало безымянных водоемов: даже те из них, что располагались в глубинах лесов, далеко от поселений, были функциональны в качестве, например, водных дорог или мест рыбалки. В то же время огромные лесные массивы не имеют особых названий: очевидно,

нужды населения обеспечивались лесами, прилегавшими к поселению. Возвышенные участки рельефа (горки, холмы, кряжи) в силу того, что к ним привязываются и поселения, и сельскохозяйственные угодья, интересуют вепсскую топонимию значительно больше, чем низинный рельеф. Из всего многообразия мира флоры в топонимии закрепились, прежде всего, те его представители, которые имеют определенную практическую ценность для человека. Какая-нибудь неприметная *вахта трехлистная* (лат. *Menyanthes trifoliata*, вепс. *vehk*) оказывается для топонимии значительно важнее многих прочих растений, поскольку широко применялась в жизни местного населения. Ее использовали в народной медицине, корень ее в голодные годы добавляли в хлеб. Именно этим обусловлены многочисленные *Вехкозера* и *Вехкручы* на вепсской и смежной обрусевшей территории. Топооснова *vehk-* входит в число четырех самых частотных вепсских топооснов из мира флоры. Такая утилитарная направленность вепсской топонимии продиктована, очевидно, производящим характером культуры вепсского населения. Сельское хозяйство — основа экономики, и этим определяется во многом взгляд на окружающий мир [Муллонен 2002].

С другой стороны, выбор признака, положенного в основу географического названия, диктуется не только уровнем социального развития и экономическими приоритетами общества. Использование топонимии в целях этноисторических исследований должно опираться на знание закономерностей онимической номинации, на то, что отражение реального мира и реальных отношений преломляется через призму топонимической системы как определенного организующего начала образования и функционирования географических названий. Следует учитывать, что основная функция названия — адресная. Топоним идентифицирует объект, отличает его от ряда подобных, а не описывает его свойства. Поэтому при акте номинации приходится принимать во внимание окружающую топонимию, особенно названия объектов одного разряда, и отказываться от тех возможностей называния, которые уже реализованы. В противном случае адресность не будет выполняться. Это не значит, однако, что за основу номинации может быть взят некий нереальный, несуществующий признак. Выбор происходит в рамках реально существующих особенностей географического объекта. Это означает, что единый для ряда однородных географических объектов признак редко кладется в основу номинации. Из двух расположенных рядом круглых по форме озер лишь одно может быть названо *Круглым*, второе же должно идентифицироваться по какому-то другому признаку: рыбности, цвету и качеству воды, освоенности берегов и т. д.

Выбор признака объекта, отраженного в топониме, обусловлен, таким образом, рядом обстоятельств (следует отметить человеческий фактор, временной фактор, природные особенности), среди которых важная роль принадлежит закономерностям ономастической системы. Носитель языка вместе с языком усваивает и систему окружающих его топонимов. Последняя становится для него моделью, когда он сам оказывается перед необходимостью имятворчества, т. е. вынужден присваивать имена географическим объектам.

Термин «*модель*» традиционно используется в российской топонимике применительно к топонимическому словообразованию [Подольская 1978: 99], хотя, например, в славянской ономастике содержание его шире и включает и лексико-семантическую составляющую. В свое время об этом писал Э. Эйхлер, отмечая, что топонимическая модель является единством исходной (наименования объектов посредством определенных лексем) и словообразовательной моделей, а Р. Шрабек обращал внимание на временной и пространственный фактор бытования топонимических моделей.

Понятие «модели» является одним из основополагающих в прибалтийско-финской топонимической науке (см., например, [Kiviniemi 1977]), которая исходит из того, что новые топонимы создаются в рамках существующих морфологических типов, лексических топооснов, семантических классов. Бытование таких моделей оказывается чрезвычайно ценным для этнолингвистических изысканий, поскольку часть их имеет достаточно четко очерченные ареалы, формирование которых может быть увязано с экспансией определенных групп населения, историей образования этнических территорий, границ и т. д.

В данной работе термин «модель» используется широко: не только применительно к топонимическому словообразованию, морфологическим типам, как это традиционно принято в российской топонимике, но и к лексическим топоосновам — в русле прибалтийско-финской топонимической школы. Собственно, проблема топонимической модели тесным образом соприкасается с проблемой типовых топооснов — наиболее характерных лексических элементов, апеллятивов, которые, подвергаясь топонимизации, реализуются в наибольшем числе топонимов. В силу того, что основной структурной моделью в прибалтийско-финской топонимии являются сложные названия, выделяются типовые атрибутивные элементы и типовые детерминанты. Высшим проявлением модельности можно, видимо, считать устойчивые сочетания, комбинации детерминанта и определяющего его атрибута. В них, с одной стороны, реализуется типовая структурная модель сложных

топонимов, с другой — типовые топоосновы, которые к тому же организованы в наиболее частотные комбинации (*Levie/lakši* ‘Широкий залив’, *Paksu/niemi* ‘Толстый мыс’, *Viärä/koski* ‘Кривой порог’, *Toraz/järvi* ‘Поперечное озеро’ (саамская модель) и т. д.) и многократно повторяются в топонимии Карелии или отдельных ее районов. При этом выявляется, что некоторые комбинации, которые, казалось бы, вполне укладываются в закономерности номинации, тем не менее, оказываются не востребуемыми топосистемой. Залив может быть широким (*Levie/lakši*), но не толстым, в то время как мыс, наоборот, определяется как толстый (*Paksu/niemi*), но не широкий. Понятно, что топонимия не сводится только к моделям, однако это объективная тенденция, и исключения только подтверждают ее. В данном исследовании в центр анализа вынесены модели озерной гидронимии, идентифицирующие объекты по форме, размеру и взаимному расположению. Это объемный и в достаточной степени разнообразный материал, представленный как прибалтийско-финским, так и более древним финно-угорским списком топооснов. При этом модели не универсальны, они варьируются территориально и хронологически.

По мере углубления ономастических исследований становится очевидным, что топонимия является элементом системы, предполагающей образование географических названий по моделям, характеризующимся временной и географической приуроченностью. Определенные модели именования продуктивны определенное время, и это дает исходную возможность к поиску хронологических рамок бытования той или иной топонимной модели. Исходя из того, что ойконимы *-l*-ового типа (*Rahkoil*, *Ozroil*, *Vingl*) в вепсском ареале функционируют практически исключительно как названия, образованные от нехристианских имен, есть основания полагать, что модель рано утратила здесь свою продуктивность. Если к этому добавить, что в большинстве случаев это названия гнезд поселений, при этом ареал модели в значительной степени накладывается на ареал средневековых приладожских курганов X–XIII вв., то относительная хронология модели может приблизиться к абсолютной, а выявление полного ареала топонимов, образованных по искомой модели, позволяет уточнять предполагаемые границы археологического ареала.

Существование таких моделей оказывается чрезвычайно ценным для этнолингвистических изысканий, поскольку часть их (т. е. моделей) имеет достаточно четко очерченные ареалы, формирование которых может быть увязано с экспансией определенных групп населения, историей образования этнических территорий, границ и т. д. В ходе колонизации